

Рогачева Н. А.
Тюмень, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8424-1861
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

УДК 821.161.1-6
DOI 10.26170/FK19-02-12
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-44
ГСНТИ 17.07.21
Код ВАК 10.01.08

Эртнер Е. Н.
Тюмень, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1523-6561

«ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЧУВСТВИЯ» В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ЯЛУТОРОВСКОЙ КОЛОНИИ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается политэкономический дискурс эго-документов, связанных с жизнью и деятельностью колонии ссыльных декабристов в Ялutorовске Тобольской губернии (1832–1856). Аналитическим объектом служит частная переписка и автобиографические тексты И. Д. Якушкина, И. И. Пущина, Н. Д. Фонвизиной, Е. П. Оболенского, а также мемуары М. С. Знаменского, О. Н. Балакшиной, А. П. Созонович, С. М. Семенова, К. М. Голодников и др. Предмет исследования – дискурс политэкономии «сочувствия», выраженный в системе повторяющихся мотивов эпистолярной и мемуарно-автобиографической прозы XIX века. Дискурсивный подход, не применявшийся ранее для изучения декабристских эго-документов, позволил проанализировать документальные тексты как художественно-публицистические источники, в которых создается картина мира, не характерная для других текстов, созданных в сибирской ссылке. Анализ ключевых метафор дискурса («сочувствие», «артель», «сибирская семья», «строгий кружок», «ялutorовский рай», «союз») раскрывает их символическое содержание с учетом того значения, которое придавалось метафорам в декабристской среде еще до восстания. Показано, что бытовое и речевое поведение внутри ялutorовской колонии ссыльнопоселенцев носит программно-идеологический характер, обусловленный утопическим стремлением реализовать экономические и этические идеи декабризма, используя «выгоды» положения «государственного преступника». В свете дискурса «политэкономии сочувствия» и теории «обмена дарами» переоценивается структура частной жизни и публичной деятельности И. Д. Якушкина, И. И. Пущина, М. И. Муравьева-Апостола и других по созданию ланкастерской школы, установлению отношений с сибирским населением. Язык декабристских эго-документов свидетельствует о движении от эсхатологического переживания сибирской ссылки к новому мифу о пространстве Сибири как месте спасения, позже актуализированному в литературе Серебряного века.

Ключевые слова:
политэкономия
сочувствия; дискурсивные метафоры; эго-документы; декабристы; мифопоэтика; сибирская ссылка; письма.

Rogacheva N. A.
Ertner E. N.
Tyumen, Russia

“POLITICAL ECONOMY OF EMPATHY” IN THE DECEMBRISTS’ EGO DOCUMENTS AT THE YALUTOROVSK COLONY

Abstract. The article discusses political economy discourse of ego documents related to the life and work of Decembrists at the colony in Yalutorovsk, Tobolsk Province (1832–1856). We study the Decembrists' private letters, autobiographical texts by I. D. Yakushkin, I. I. Pushchin, N. D. Fonvizina, E. P. Obolensky, as well as the memoirs written by M. S. Znamensky, O. N. Balakshina, A. P. Sozonovich, S. M. Semenov, K. M. Golodnikov etc. The subject of the research is “the political economy of empathy” discourse, expressed in the system of recurring motifs in the epistolary and autobiographical prose of the XIX century. The discursive approach (never applied previously with the reference to the Decembrist ego-documents) served a useful tool to analyze the documentary texts as artistic and publicistic sources, depicting the vision of the world, which is not typical for other texts created in the Siberian exile. The analysis of key discourse metaphors (“empathy”, “artel”, “Siberian family”, “strict circle”, “paradise of Yalutorovsk”) allows observing their specific historical content, taking into account the importance of metaphors in the Decembrists' environment that had been assigned to them even before the uprising. We prove that daily routine at the Yalutorovsk colony bears features of a project and ideology due to the utopian desire to fulfill the economic and ethical ideas of Decembrism, profiting from “benefits” of the status of a “state criminal”. In the frames of “the political economy of empathy” and the theory of “exchange of gifts”, we reconsider the structure of private life of I. D. Yakushkin, I. I. Pushchin, M. I. Muravyov-Apostol, etc, their social activity, and the attempts to establish a Lancaster school, as well as to build ties with native people. The language of the Decembrists' ego documents testify to the movement from the eschatological experience of the Siberian exile to creating a new myth of Siberia as the place of salvation. Later this concept developed in the Silver Age literature.

Keywords:
political economy
of sympathy; discursive
metaphors; ego-documents; Decembrists;
mythopoeitics; Siberian
exile; letters.

Для цитирования: Рогачева, Н. А. «Политэкономия сочувствия» в эго-документах Ялutorовской колонии ссыльных декабристов / Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 98–103. DOI 10.26170/FK19-02-12.

For citation: Rogacheva, N. A. “Political Economy of Empathy” in the Decembrists' Ego Documents at the Yalutorovsk Colony / N. A. Rogacheva, E. N. Ertner // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 98–103. DOI 10.26170/FK19-02-12.

Внесенное в заглавие статьи понятие «политэкономии» носит заведомо метафорический характер, поскольку речь пойдет о таких людях и такой жизни, которые не подчинены строгим дефинициям рынка и

экономики как системы рыночных отношений с предзаданной рациональностью и стремлением к личному обогащению. Более того, по точному замечанию Ю. М. Лотмана, «сфера практического поведения, свя-

занная с обычаем, бытом, реальными условиями помещичьего хозяйства, реальными обстоятельствами службы выпадала из области „идеологического“ поведения декабриста» [Лотман 1999: 335]. Однако обыденное поведение ссыльнопоселенцев во многом обусловлено тем простым фактом, что устройство сибирского «дома», создание особого социума стало для них насущной необходимостью. В Сибири практическая деятельность, включая установление правил хозяйствования и всевозможных форм обмена, приобрела для декабристов программно-идеологический характер. Следствием данной ситуации оказывается и выработанная система обмена жизненными ценностями («хозяйственный труд» [Булгаков 1995: 306]), и порожденная этой системой риторика, отраженная в письмах, мемуарах и отчасти в художественных текстах. Если социальное, а также историческое содержание эпистолярной и мемуарно-биографической прозы декабристов традиционно изучается в работах, посвященных сибирской ссылке, то язык эго-документов и, в частности топики, система повторяющихся слов-символов, пока не были предметом специального исследования, в то время как именно дискурсивный подход позволяет высветить литературность эпистолярного текста. Цель исследования – показать системный характер символики, объединенной темой «политэкономии сочувствия», и выявить, как в условиях сибирской ссылки происходит трансформация эсхатологического мифа о Сибири в мифологию сибирской земли как места спасения и обретения новой родины.

Мы исходим из положений Пьера Бурдьё, согласно которым «целые области человеческого существования и, в частности, семья, искусство или литература, науки и даже в некотором отношении бюрократия остаются в основном чуждыми этому стремлению к увеличению материальной прибыли. <...> Обмены никогда полностью не сводятся к их экономической стороне...» [Бурдьё 2005: 136]. Не являясь в строгом смысле рыночным, обмен ценностями входит в область политической экономии, инспирирует особого рода поведенческие модели, лежит в основе топики эго-документов и, соответственно, жизнотворчества их авторов. Взаимообмен внутри ялutorовского ссыльного сообщества и вне его – с местным населением, в том числе и сугубо материальный, скорее, соответствует понятию «обмен дарами» (П. Бурдьё) и опирается на литературно-мифологические образцы, за которыми, тем не менее, угадывается конкретно-историческое, а не сугубо метафорическое содержание «политэкономии сочувствия». Идея «обмена дарами» нашла выражение в нормах словоупотребления, характерных для дискурса декабристских колоний, а также в построении автобиографических текстов и в сквозных мотивах, проходящих через всю переписку людей, которых сроднило не только восстание, но и опыт каторги, а впоследствии – опыт общей жизни в сибирской ссылке.

Колония декабристов в Ялutorовске Тобольской губернии представляет собой жизненное устройство, во многом отличное от других мест сибирской ссылки. По словам воспитанницы Муравьевых А. П. Созонович, эта «маленькая колония» выделялась «из всех остальных своеобразием» и считалась «между прочими образцовой» [Созонович 1975: 268]. Здесь с 1829 по

1856 годы в разное время пребывали девять поселенцев, и шестеро из них – значительное время, более или около двадцати лет (1829–1853 – В. К. Тизенгаузен; 1830–1845 – А. В. Ентальцев; 1836–1856 – И. Д. Якушкин и М. И. Муравьев-Апостол; 1843–1856 – Е. П. Оболенский, И. И. Пущин; 1848–1856 – Н. В. Басаргин). Заметим, что если в 1830-е годы состав колонии складывался во многом случайно (по состоянию здоровья в Ялutorовск были переведены В. И. Враницкий и А. В. Ентальцев), то с приездом Якушкина и Муравьева «артель» формировалась в результате длительных хлопот [Болоцких 1989: 35–36]: последним из декабристов в Ялutorовск прибыл Н. В. Басаргин в качестве служащего земского суда после получения высочайшего разрешения заниматься государственной службой. Ялutorовское поселение состоит из русской аристократии, статус которой, как исторически сложилось, практически мало зависит от материального обеспечения: древность рода и родовые заслуги не измеряются реальным богатством или бедностью. В экономическом укладе русского дворянства первой трети XIX века состояние бедности относительно: «долгу тысяч сто, а имения почти на миллион», как писал И. Д. Якушкин П. А. Чадаеву в 1825 году [Якушкин 1951: 241]. Кроме того, процесс разорения и социального низведения аристократии, ошутимый в России, для Сибири неактуален. Сибирь никогда не имела своего дворянства, а государственные преступники по определению лишены каких бы то ни было сословных привилегий. Статус ссыльного в значительно большей мере определяется такими этическими категориями, как честь и достоинство, нежели нищета и богатство.

Теоретические вопросы политической экономии не занимают сколько-нибудь значительного места в эго-документах ялutorовских ссыльнопоселенцев. Исключением являются публицистические работы Н. В. Басаргина [см.: Юшковский 2009: 85–91], однако и в его автобиографическом «Журнале» Ялutorовск представлен не как место приложения политэкономических замыслов, а как «маленький, но опрятный и красивый городок», жизнь в котором «текла мирно, покойно и не лишена была нравственных наслаждений» [Басаргин 1988: 259–260]. Скорее, можно вести речь о политэкономическом дискурсе, проявленном в эго-документах периода 1840–50-х гг., если учитывать, что дискурс подразумевает «особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [Степанов 1995: 38–39]. Более того, как подчеркивает Ю. С. Степанов, дискурс создает «особый „ментальный мир“» [Степанов 1995: 39]. В границах так понятого политэкономического дискурса в письмах ялutorовских ссыльнопоселенцев, а также в воспоминаниях о них, где обширно представлена цитируемая по памяти речь декабристов, обнаруживаются устойчивые нормы словоупотребления.

Ключевым понятием, определяющим характер экономических отношений внутри сообщества, является «сочувствие», которое в переписке декабристов обозначает преимущественно «близкое восприятие жизни, общность понимания вещей и событий». Еще в 1825 году М. И. Муравьев-Апостол писал Якушкину: «То со-

чувствие, которое оказалось между тобой и мною, когда мы рука об руку весело выступили на жизненный путь, приводит меня к заключению, что наше детство должно быть схоже» [Якушкин 1951: 245]. Родство в оценке людей и событий становится условием формирования «душевного союза», который, по воспоминаниям Е. П. Оболенского, начал складываться еще в Читинском остроге: «Но общая идея, общее стремление к одной и той же цели давало каждому лицу тот живой интерес, возбуждало то сочувствие, которое составляло из стольких лиц одну общую семью» [цит. по: Якушкин 1951: 486]. Этическое измерение получают все виды социальной и хозяйственной деятельности, поскольку в их основе лежит «сочувствие» по «единомыслию» [Якушкин 1951: 14].

В ином значении слово «сочувствие» употребляется для характеристики отношений ялуторовских ссыльнопоселенцев и внешнего окружения. Речь идет о сочувствии как жалости, способности применить к себе представление о страдании другого: «...некоторое сочувствие к бедным этим людям» [Якушкин 1951: 99]. И можно заметить, что эти контексты не смешиваются: при любых бытовых тяготах декабристы избегают проявления жалости к себе или друг к другу. Более того, мысль о возможных страданиях вызывает перспектива возвращения в Россию, в то время как годы, проведенные в Западной Сибири, оцениваются как «лучшие». «В Сибири протекли лучшие годы моей жизни. Вы знаете наше Ялуторовское житье-бытье; я породнился с Сибирью», – пишет в 1858 году М. И. Муравьев-Апостол [цит. по: Голодников 1899: 17].

Подобные определения противоречат традиционному мифу о Сибири – «мертвом доме» и «гиблом месте» (анализ мифологемы «мертвого дома» см.: [Тюпа 2002: 27–35]). Возникает вопрос: чем вызвано смещение акцентов в автобиографических текстах людей, объединенных местом и временем «изгнания»? Размышляя о нормах поведения в статусе «важных государственных преступников», Е. П. Оболенский замечал: «Что оставалось делать людям, более или менее сознавшим зло, которое проявлялось вокруг них и в них самих...? Они должны были теснее соединиться между собою, в сомкнутом своем круге развивая по возможности семена добра, стать, наконец, оплотом в защиту истины и правды...» [Якушкин 1951: 492]. Формально и идеологически ялуторовский «кружок» стал вариантом «тайного союза» при том, что самого слова «союз» нет ни в одном эго-документе, поскольку оно оказалось бы прямой политической цитатой. Исключение составляет письмо внука Якушкина, Евгения Евгеньевича, в котором он называет М. И. Муравьева-Апостола «союзником» деда [цит. по: Рошчевский 1975: 79]: Муравьев и Якушкин – «союзники», то есть оба – узники ялуторовской ссылки, но одновременно и «союзники», получившие «в *существо*» право гражданства в Сибири» [Пущин 1989: 263].

Метафорами «союза» для ялуторовских декабристов служат слова «кружок» и «единодушная семья», неизменно употребляемые с расширительным, преимущественно утопическим подтекстом: «Давно бы мы здесь построили город и вспахали землю, если б с самого начала нас поселили в одном месте и дали возможность обзаводиться» [Пущин 1989: 213]. В описаниях бытового поведения ссыльнопоселенцев присутствует тема «закрытого

общества» [Знаменский 1997: 277]: помимо «жизни особняком» [Семенов 1975: 285], мемуаристы отмечают такие поведенческие черты, как «строгое слежение за собой» и «чрезвычайная сдержанность» [Созонович 1975: 272]. Но в определении «строгий» отражено иное качество поведения декабристов, которое точнее всего характеризуется понятием «этика аскезы» (П. Бурдьё). Идеологом аскетизма в первую очередь был И. Д. Якушкин, сознательно претворявший в жизнь отказ от каких бы то ни было «выгод». К числу таковых он относит не только бытовые «удобства» (Басаргин подчеркивал, что Якушкин «из упрямства» двадцать лет прожил в заведомо неустроенной «квартире»), но и награду за труд, а также любую деятельность за пределами установленного «круга». Отвечая на предложение И. И. Пущина заняться в Сибири золотоискательством, Якушкин отстаивает единственно возможный способ не обременять близких – «много уменьшить наши издержки» [Якушкин 1951: 295]. Именно в этом он видит «назначение» ссылки: «...я убежден, что каждый из нас имел прекрасную минуту, отказавшись чистосердечно и неограниченно от собственных выгод...» [Якушкин 1951: 296]. В область «личной выгоды» попадают как деньги, так и всякая героическая поза, в которой Якушкин усматривает только «тщеславие», резко отзываясь о революционной «выходке» Михаила Лунина в 1841 году [Якушкин 1951: 286].

Жизнь в Ялуторовске, как и в других местах сибирских поселений декабристов, связана со многими материальными лишениями. Бытовой уклад политических ссыльных был обусловлен юридическим статусом ссыльнопоселенца середины XIX века. Его экономическая сторона освещена в документах и исследованиях, начиная с первой крупной работы А. И. Дмитриева-Мамонова, а затем трудов В. Н. Болоцких, Т. А. Бачановой, Е. В. Мирзоян, В. П. Бойко и др. В соответствии с правовым статусом каждый из ссыльных декабристов имел право на «дар» от государства – годовое содержание в размере 200 рублей и «дар» от родных – 1000 рублей на обустройство и 1000 – на проживание ежегодно [Дмитриев-Мамонов 1905: 9]. Материальное обеспечение сибирских декабристов, установленное государством, не менялось до окончания ссылки – 1856 года.

Декабристы привнесли в экономический уклад идеологию равенства и сочувственной помощи. Уже на каторге они сформировали «артель», предназначенную для достижения относительного «равенства состояний»: «Здесь подписывают и дают в артель всякий кто что может; две трети принадлежащих к артели ничего не получают и поэтому ничего дать не могут, но им также жить надобно, и они живут. Содержание каждого стоит 500 р., и поэтому вы видите, давая 500 р., я даю ровно столько в артель, сколько стоит мое и каждого из живущих в тюрьме содержание. Казенных мы получаем шесть копеек в день» (Якушкин – Н. Н. Шереметевой. 13 марта 1832 г. [Якушкин 1951: 255]). На поселении подобное экономическое равенство недостижимо: с необходимостью заработка сталкиваются все, кто не имел постоянной и достаточной поддержки родных.

В отличие от других мест поселения декабристов, экономическое положение ялуторовской колонии принципиально не зависит от «жалования» и «службы». Ссылка, как ни парадоксально, предоставляла

меру свободы, недостижимую в иных обстоятельствах. С «государственных преступников» сняты моральные тяготы, служившие когда-то мотивом вступления в тайное общество. В 1822 году Якушкин писал Н. Н. Шереметевой: «Управлять людьми есть самая несносная вещь, какая может только быть, ибо иметь людей, от себя зависимых, – это значит самому от них зависеть <...> Когда же это кончится, я буду считать себя свободным или, по крайней мере, рассчитавшимся со своею совестью» [Якушкин 1951: 238]. Демонстративно «частный» характер деятельности проявляется, среди прочего, в особенностях номинации, зачастую носящей иронический характер. И. Д. Якушкин называет свои ботанические увлечения «травознанием», подчеркивая, что их главная цель – возможность находиться «под чистым небом» [Якушкин 1951: 266]. В письмах И. И. Пущина работа по распределению артельных средств обозначена неологизмом «маремьянствовать» (от прозвища Пущина по пословице «Маремьяна-старлица обо всех печалится»), а его садоводческие занятия названы «цинциннатством» (по имени римского патриция, удалившегося от государственных дел) [Пущин 1989: 271, 310]. Заметим, что принципиальный отказ от службы имеет этическую подоплеку – «ялуторовский кружок», в первую очередь И. И. Пущин, решает финансовые вопросы, связанные с имуществом всей сибирской «артели» декабристов.

«Домашний» характер имеет деятельность по устройству ланкастерской школы в Ялуторовске (о просветительской деятельности см.: [Дмитриев-Мамонов 1905: 165–166], [Болоцкий 1989: 37–57], [Рощевский 1975: 84–89]). Концепция школы во многом отвечала общей экономической стратегии декабристов. В «единодушной семье» старшие обучают младших. Так, обязанности первых «безвозмездных учителей» [Созонович 1975: 274] И. Д. Якушкина, М. И. Муравьева, прот. С. Я. Знаменского, соборного диакона Е. Ф. Седачева и других принимают на себя их ученики, «руководительницами рукодельного класса» женской школы вслед за М. К. Муравьевой и женой исправника Ф. Е. Выкрестюк становятся свои, «доморожденные попечительницы» [Балакшина 1975: 265] А. П. Созонович и дочери купца Н. Я. Балакшина, Анисья и Ольга.

Привлечение капитала также осуществлялось на основе личного убеждения и дружеских отношений. Финансовое обеспечение школы декабристов становится «общим делом» многих «сочувствующих»: «знакомых поселенцев из России», среди которых «по-видимому, производились сборы, пересылавшиеся на нужды школы» [Балакшина 1975: 264]; родителей учеников, например казначая школы Синюкова, «ведающего приходом и расходом и сообщающего о ходе дел недоверчивым или любопытным» [Рощевский 1975: 87], или Ф. Е. Выкрестюк, главным делом которой стала организация продажи «рукоделья учениц в ближайшие города» и осуществление предложенной И. Д. Якушкиным программы стипендиальной поддержки учениц («временного сбора, по 25 руб. в год за ученицу» [Созонович 1975: 274–275]); сибирского купечества в лице «хозяина стеклянного завода» И. П. Медведева, «самого крупного из жертвователей» [Созонович 1975: 274], или Н. Ф. Мясникова, сибирского купца-миллионера, «подарившего учителям дом» для школы [Знаменский 1997: 276].

Закономерно, что в политэкономическом дискурсе ялуторовской ссылки отсутствует основополагающая категория рынка – «капитал», которая замещается метонимиями: «денежные средства», «содержание», «финансовое обеспечение», «денежные сборы» и др. С. Я. Знаменский переносит личные устремления И. Д. Якушкина на всю программу поведения ссыльнопоселенцев: «...декабристы решили отстраниться от денежных вопросов» [цит. по: Знаменский 1997: 275]. Процесс «обмена» принимает внеэкономические и материально-экономические формы, причем именно в такой последовательности: на каторге декабристы установили обмен знаниями (языков, точных наук и др.), позднее распространив его на местное население и сохранив как актуальную тему общения. Последовательное ограждение быта ссыльнопоселенцев от стихии капиталистического рынка имеет программный характер, выражением которого в эго-документах служит сюжет построения «сибирской семьи» (И. П. Пущин). Он включает мотивы приезда на поселение новых членов товарищества, И. И. Пущина и Н. В. Басаргина; скандальной женитьбы Е. П. Оболенского, его «изгнания» и вступления жены декабриста в «братский круг», приема на воспитание чужих и своих внебрачных детей. Расширение ялуторовского кружка во многом происходит благодаря вхождению в него духовно близкого декабристам протоиерея С. Я. Знаменского, воспитанников школы и «сочувствующих декабристам сибиряков» [Семенов 1975: 285]. В результате, как свидетельствуют мемуаристы, «ялуторовский кружок сплотился в единодушную семью, разумную, гуманную и просвещенную» [Созонович 1975: 272]. Возможно, именно поэтому город назван «приютным Ялуторовском» (И. Д. Якушкин). Здесь «гостили из Тобольска Анненков, Муравьев, Фонвизин и Свистунов, почти все с семьями. А их дети часто приезжали в Ялуторовск на каникулы» [Балакшина 1975: 266].

Метафора «семьи» имеет общественно-политический подтекст, хорошо различаемый всеми членами «строгого кружка». Напомним, что «политическая семья» – одно из основополагающих понятий «Русской правды» П. И. Пестеля, условие справедливого материального обеспечения и путь к достижению «благоденствия». Деятельность ялуторовских ссыльнопоселенцев, судя по всему, изначально ориентировалась на принципы этой программы, в полной мере задействовала невольные выгоды, которые давал статус «государственного преступника». Экономика «обмена дарами», на которой базируется «политическая семья», допустима только при равенстве состояний, не случайно П. Бурдьё рассматривает ее в одном ряду с «поединками чести». Так, И. Д. Якушкин замечает, что Пущин одинаково общался со всеми: «и с губернатором, когда тот бывает в Ялуторовске, и с мужиком, который у него служит, и с чиновниками, которые иногда посещают его» [Декабристы на поселении 1926: 30]. По его же словам, «каждый из нас чувствовал свое достоинство, поэтому умел уважать его в других» [Голодников 1899: 13]. Подчеркнем, что такую свободу мог обеспечить только отказ от государственного «жалования».

Уникальность опыта жизни на поселении нашла выражение в пространственной метафоре «ялуторов-

ского рая», которая неоднократно встречается в слове самих декабристов и авторов многочисленных воспоминаний о них. М. С. Знаменский, воспитанник декабристов, полагал, что метафора сложилась в результате некоего заблуждения: «Кружок ялуторовских декабристов, не желая огорчать далеких друзей, в письмах своих никогда не жаловался на придирки местной полиции, на разные местные дрязги; по этой причине многие проникнулись убеждением, что Ялуторовск – прямо рай для ссыльных, некоторые друзья даже мечтали переселиться в Ялуторовск» [Знаменский 1975: 254–255]. Но его мнение опровергается самими ссыльнопоселенцами, для которых Ялуторовск действительно был «страной изгнания, превратившейся <...> в духовное райское селение» (Н. Д. Фонвизина [цит. по: Знаменский 1997: 301], «землей обетованной», «тихой обителью» (М. И. Муравьев-Апостол [цит. по: Голодников 1899: 16]), «ялуторовским раем» (И. Д. Якушкин [цит. по: Знаменский 1872: 283]).

Метафора «рая» связывает все основные категории «политэкономии сочувствия», порождает смысловые доминанты и структуру дискурса ялуторовской ссылки. Метафора подразумевает создание ссыльными декабристами сибирского Дома («свой» дом на «чужой земле»). В отличие от мифологемы «мертвого дома», это пространство живой частной жизни, повседневных «рутинных» занятий, житейских огорчений и скуки, душевного покоя и радости общения, успешного осуществления «общего дела» (школы и др.). Так, И. И. Пущин в письме к Е. А. Энгельгардту соглашается: «Вы совершенно справедливо замечаете, что я доволен своим пребыванием в Ялуторовске. Нас здесь пятеро товарищей; живем мы ладно, толкуем откровенно...» [Пущин, 1989: 249]. «Рай» воплотил этику поведения «добрых товарищей» (М. И. Муравьев-Апостол); «друзей ялуторовской жизни» (И. Д. Якушкин); «кружка братской дружбы и единомыслия» (К. М. Голодников); «ялуторовских декабристов, высоко понимавших смысл дружбы» (А. П. Созонович) и др.

Но метафора имеет и противоположное значение, символизируя «замершую жизнь» (или жизнь отложенную), погруженность в себя при видимой яркой просвещенческой деятельности. В сибирских письмах декабристов неоднократно высказывается мысль о бесцельности времени, проведенного в Сибири («живем тихо,

как бы в прошлом» [Якушкин 1951: 301]; «мы тринадцать лет были на корабле» [Пущин 1989: 268]; «мы, допотопные, не подлежим ни переменам погоды, ни переменам царства» [Пущин 1989: 310]), или об отсроченной цели, неясной ни для авторов писем, ни для их товарищей: «...невольно приходит на мысль, что в жизни есть летучие начала, которые удобнее всего сохраняются в таком закупоренном состоянии, как наше» [Якушкин 1951: 367]. Создание «семейного круга» и одновременно идеологического «союза», последовательный отказ от роли героя или жертвы и реализация стратегии аскетического самоограничения придают метафоре диалогический характер. Уездный Ялуторовск ассоциируется с новым Союзом спасения, воссозданным не на политических, а на этических основаниях, дружеском, личностном приятии, участии к ближнему, любви и сочувствию.

* * *

Как показывает дискурс-анализ автобиографических и мемуарных текстов, экономическая деятельность ссыльных декабристов в Ялуторовске базируется на моральной философии «симпатии» (А. Смит), которая исключает тщеславное ожидание какой бы то ни было награды за любой труд. Перед нами вполне реальная жизнь, наполненная реальными хозяйственными заботами, но независимая от результатов этих забот. Более того, и в нравственном отношении такая жизнь лишь извне (в воспоминаниях окружения декабристов, в отдаленной исторической перспективе) воспринимается как подвижничество, но изнутри предполагает отказ от всякого героического побуждения, свободу от него. Сущностью политэкономии сочувствия выступает трагический и парадоксальный опыт свободы, который не имеет аналогов ни в истории декабристского движения, ни в истории более поздней сибирской ссылки. Миф о Сибири как месте спасения и альтернативе гибели был актуализирован лишь в творчестве поэтов Серебряного века – М. Цветаевой («Поэма о царской семье») и О. Мандельштама, оказавшегося перед угрозой сталинских репрессий:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

ЛИТЕРАТУРА

- Балакшина О. Н. Воспоминания о декабристах в Сибири // Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. – С. 263–267.
- Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1988. – 542 с.
- Бачанова Т. А. Вклад декабристов в изучение и хозяйственное освоение Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 1999. – 18 с.
- Бойко В. П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социально-культурный облик. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2003. – 270 с.
- Болоцких В. Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1989. – 133 с.
- Булгаков С. Н. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1995. – 415 с.
- Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2005. – 542 с.
- Голодников К. Д. Декабристы в Тобольской ссылке (Из моих воспоминаний). – Тюмень: А.А. Крылов, 1899. – 21 с.
- Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных: записи прошлого, воспоминания и письма. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. – 155 с.
- Дмитриев-Мамонов Д. И. Декабристы в Западной Сибири: Очерк по офиц. документам. – М.: Типография Монтвида, 1905. – 262 с.
- Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. – М.: АН СССР, 1951. – 738 с.
- Знаменский М. С. Детство среди декабристов // Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. – С. 246–262.

- Знаменский М. С. Исчезнувшие люди // Страна изгнания и Исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и Старожила. – СПб.: К. Н. Плотников, 1872. – С. 219–366.
- Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 275–339.
- Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – С. 331–385.
- Мирзоян Е. В. Сибирская и кавказская ссылка декабристов, 1826–1867 гг.: Опыт сравнительного исследования: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 290 с.
- Пушчин И. И. Записки о Пушкине. Письма. – М.: Правда, 1989. – 576 с.
- Рошевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. – 166 с.
- Семенов С. М. Декабристы в Ялutorовске (Из воспоминаний современника) // Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. – С. 285–291.
- Созонович А. П. Заметки по поводу статьи К.М. Голодника «Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане» // Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. – С. 268–284.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
- Юшковский В. Д. Модернизация «общественного хозяйства» в Сибири в середине XIX в.: к вопросу об экономических воззрениях ссыльных декабристов // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 4 (8). – С. 85–91.

REFERENCES

- Bachanova, T. A. (1999). *Vklad dekabristov v izuchenie i khozyaystvennoe osvoenie Zapadnoy Sibiri*. [Contribution to the Study of the Decembrists and Economic Development of Western Siberia]. Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Novosibirsk. 18 p.
- Balakshina, O. N. (1975). *Vospominaniya o dekabristakh v Sibiri*. [Memories of Decembrists in Siberia]. In *Dum vysokoe stremlenie. Dekabristy v Sibiri*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, pp. 263–267.
- Basargin, N. V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i*. [Memories, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. 542 p.
- Bolotskiikh, V. N. (1989). *Dekabristy v Yalutorovske: mirovozzrenie i deyatel'nost'*. [Decembrists in Yalutorovsk: Outlook and Activity]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. 133 p.
- Boyko, V. P. (2003). *Dekabristy v Sibiri: predprinimatel'stvo, obraz zhizni, sotsial'no-kul'turnyy oblik*. [Decembrists in Siberia: Entrepreneurship, Lifestyle, Social and Cultural Image]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy universitet. 270 p.
- Bulgakov, S. N. (1995). *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya*. [Clear Light. Contemplations and Speculations]. Moscow, Respublika. 415 p.
- Burd'e, P. (2005). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg, Aleteya. 542 p.
- Dekabristy na poselenii. Iz arkhiva Yakushkinykh: zapisi proshlogo, vospominaniya i pis'ma*. [Decembrists in Exile. From Yakushkin's Archive: Records of the Past, Memoirs and Letters]. (1926). Moscow, Izdanie M. I. S. Sabashnikovykh. 155 p.
- Dmitriev-Mamonov, D. I. (1905). *Dekabristy v Zapadnoy Sibiri: Ocherk po ofits. dokumentam*. [Decembrists in Western Siberia: an Essay on the Official Documents]. Moscow, Tipografiya Montvida. 262 p.
- Golodnikov, K. D. (1899). *Dekabristy v Tobol'skoy ssylke (Iz moikh vospominaniy)*. [Decembrists in Tobolsk Exile. From my Recollections]. Tyumen, A.A. Krylov. 21 p.
- Lotman, Yu. M. (1994). *Dekabrist v povsednevnoy zhizni*. [Decembrist in Everyday Life]. In *Lotman, Yu. M. Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. Saint Petersburg, Iskustvo, pp. 331–385.
- Mirzoyan, E. V. (2002). *Sibirskaya i kavkazskaya ssylka dekabristov, 1826–1867 gg.: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya*. [Siberian and Caucasian Exile of Decembrists, 1826–1867: a Comparative Research]. Dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk. 290 p.
- Pushchin, I. I. (1989). *Zapiski o Pushkine. Pis'ma*. [Notes about Pushkin. Letters]. Moscow, Pravda. 576 p.
- Roshchevskiy, P. I. (1975). *Dekabristy v tobol'skom izgnanii*. [Decembrists in Tobolsk Exile]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo. 166 p.
- Semenov, S. M. (1975). *Dekabristy v Yalutorovske (Iz vospominaniy sovremennika)*. [Decembrists in Yalutorovsk. From the Memoirs of the Contemporaries]. In *Dum vysokoe stremlenie. Dekabristy v Sibiri*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, pp. 285–291.
- Shtrayh S. Ya. (Ed.). (1951). *Zapiski, stat'i i pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina*. [Notes, Articles and Letters of the Decembrist I.D. Yakushkin]. Moscow, AN SSSR. 738 p.
- Sozonovich, A. P. (1975). *Zametki po povodu stat'i K.M. Golodnikova «Gosudarstvennye i politicheskie prestupniki v Yalutorovske i Kurgane»*. [Notes on the Article by K.M. Golodnikov „The State and Political Criminals in Yalutorovsk and Kurgan“]. In *Dum vysokoe stremlenie. Dekabristy v Sibiri*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, pp. 268–284.
- Stepanov, Yu. S. (1995). *Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti*. [Alternative World, Discourse, Fact and Conditionality Principle]. In *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*. Moscow, RGGU, pp. 35–73.
- Тюпа, В. И. (2002). Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы. [Mythologem of Siberia: on the Question of the "Siberian Text" of Russian Literature]. In *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 27–35.
- Yushkovskiy, V. D. (2009). *Modernizatsiya «obshchestvennogo khozyaystva» v Sibiri v seredine XIX v.: k voprosu ob ekonomicheskikh vozzreniyakh ssyl'nykh dekabristov*. [Modernization of „Public Economy“ in Siberia in the middle of XIXth Century: on the Question of Economic Views of Exiled Decembrists]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (8), pp. 85–91.
- Znamenskiy, M. S. (1872). *Ischeznuvshie lyudi*. [Disappeared People]. In *Strana izgnaniya i Ischeznuvshie lyudi. Sibirskie ocherki S. Turbina i Starozhila*. Saint Petersburg, K. N. Plotnikov, pp. 219–366.
- Znamenskiy, M. S. (1975). *Detstvo sredi dekabristov*. [Childhood among the Decembrists]. In *Dum vysokoe stremlenie. Dekabristy v Sibiri*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, pp. 246–262.
- Znamenskiy, M. S. (1997). *Istoricheskie okrestnosti goroda Tobol'ska: Sochineniya*. [Historical Surroundings of Tobolsk]. Tyumen, SoftDizayn, pp. 275–339.

Данные об авторе

Рогачева Наталья Александровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень).

Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru.

Эртнер Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень).

Адрес: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: e.n.ertner@utmn.ru.

Author's information

Rogacheva Natalia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen).

Ertner Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen).